

КАВАЛЕРГАРД ЧИЖИНСКОЙ УЛИЦЫ

Борис Николаевич Федотов — призывник первого года войны. В составе отдельного конного разведвзвода Двухсотой кавалерийской дивизии добывал оперативные сведения.

В сорок четвёртом под Каунасом война для уральца закончилась: госпитальные врачи определили — на II группу. Особенный воздух родины помог списанному воину набраться сил. Оглянуться не успел — семьдесят пять!

Что ордена, медали? Благодарный металл для позвона, для гордости. Семья — для счастья! Посредине жизни сошлись два горюшка — вдовец да вдовушка. У него — трое деток, у неё — четверо. Мои, твои — наши! Внуков у Федотовых двенадцать. Правнуков — на футбольную команду! Если собрат, дед бы опять самолично расчистил пустырь, поставил штанги. У него опыт:

возрожда́л футбол после войны на своей окраине. Правый полузащитник на футбольном поле — как на поле брани: за честь Родины!

В пять ноль-ноль вместо привычного боя курантов сорок девятая волна накрыла дежурного радиотехника Федотова девятибалльным сообщением: война. Верно, он и был первым в Уральске, кто услышал о ней: центральный радиоузел вострепнулся по его звонку: поплыла по городу чёрная весть.

Когда-то чёрным вестникам снимали голову. С Федотова — шевелюру. Учебный взвод конной разведки в Бузулуке — наполовину из уральцев. Замечательно: рядом друзья-товарищи и подруга — Сивка: так окрестили «даму» курсанты за светло-серую масть. Сивка так Сивка — лошадь особо не возражала. Почуяла в кавалере настоящего ценителя лошадиной красоты. Парень питал страсть к этим странным существам: знал, как подойти, чем угостить. А уж в каких зорях купывал — в уральных, деркульных, чаганских! В вечерних и утренних. Чёрные, рыжие, дымчатые гривы встряхивали сонмы маленьких солнц, поджигали необъяснимой радостью душу.

— Сивка-бурка, вещая каурка, встань передо мной! — взлетали, падали мальчишеские голоса по приуральным просторам.

...Эта Сивка — не из сказки, не из детства, как лист перед

травой, являлась по первому зову: курсант Федотов готовил её на войну. «В седле или с седлом!» — по строгому воинскому правилу седло убитой лошади оставлять не полагалось. С тем и унёс двуногих и четвероногих курсантов эшелон в сторону осаждённого Ленинграда.

Крещение в Крестцах

Первого мая, когда утро красило стены древнего Кремля, не обстрелянный отдельный взвод конной разведки принял боевое крещение на станции Крестцы. Может быть, легендарный начдив Будённый планировал танковую броню опрокинуть кавалерией? Кто знает, о чём думали легендарные начдивы, а только конных и пеших заглатывала железная глотка войны.

— Ленинградцы, дети мои! — звенел стихами Джамбул, благословляя соотечественников на подвиг. Видел бы акын, как скоро, как жутко исчезали посланцы степей.

На станции Мальва конники — три взвода — попали в «мешок»: ни вправо-влево, ни вперёд, ни вспять. Укрыли коней в леске, укрылись сами. Над леском, как заведённая, с воем-свистом пролетала смерть. Не было конца свисту. Не было конца вою. Горел Ленинград... За три месяца вынужденной отсидки наголодались люди, лошади. Сивке листья берёзы осточертели: ела!

Заботливый друг приносил охапками, пока не лопнул огненный обруч.

Стихия войны наконец была упакована в рамки стратегии. Азарт возмездия подхватил кавалерийскую дивизию, понёс к Прибалтике. Постройневшую на берёзовой диете Сивку от Федотова увёл чиновный штабист: «добудешь другую!»

Конёк-горбунок

Добыть на фронте боевую лошадь сложнее, чем заморскую царевну. Разведчики — народ отчаянный. Надо пополнить взвод лошадиными силами? Пополнят. День-ночь — сутки прочь. На рассвете сбежались кавалеристы смотреть на невиданных лошадей. Приземисты, длиной метра два с гаком. Две ещё туда-сюда, а третья — что за зебра в полосочку? Ответить могли бы джигиты из туркменской бригады, дислоцирующейся неподалёку. Но тс-с! — разведчик Федотов разберётся как-нибудь сам с этой бестией: полетит как стрела из кипчакского лука! Но коса на камень: конник — в седло, коняга — на дыбы! Не понимает: она теперь боевая единица в штате взвода — вот и служи!

— Э, да это дикий кулан! — разглядел кто-то.

— Кулан — не кулан, всё одно — лошадь! — приручитель седлал дикарку в станке, рвал удила, подкупал сахаром. Но и через

месяц, и через два, сглотив сахарок, строптивая дива могла куснуть спешившегося наездника: не купишь!

Федотов на выпады не реагировал: за её аллюр можно и стерпеть обиду... Ах, как она шла, его Стрелка, как шла! Ноги пружинили, стлалась над землей — воздух пел! Не зря скошил на неё лиловый глаз майор из штаба армии: — уступи на часок!

Взревновал, но всё ж предупредил кавалерист про восточный норов красотики.

— Ничего! — сказал офицер, занёс ногу в стремя: взвилась — суцая ведьма! — Ничего! — прорезался чертой на лбу характер седока. Дыбу выдержал, осадил: понесла — лесочки промеж ног. Летит — машина отставала! У штаба спешился ездок, хлоп её по холке: молодец!

Стрелка на похвалу ответила задним копытом. Копыто — «смерть немецким оккупантам!»

— Ничего! — через силу улыбнулся офицер, и кавалерист Федотов понял: ждёт его рыжую разведчицу большая карьера при полковом штабе.

Краденые лошади остаются с Иванами только в сказках.

«Спотыкач» ведёт охоту

«Уж если споткнулся на ровном месте, то считай-не считай — спотыкаться тебе до трёх раз!» Примета. На берегу тихой речки песок ровный, глад-

кий. По песку — следы лошади, за ними — шлёп-шлёп — друга Федотова. Хорошо, как дома на Деркуле! Взгляд притягивают жаворонки: — Не с родимых ли мест? «А то?» — Откликаются. Ну, вся душа — в небе! И уж, верно, нога сама увидела опасность: похолодела, зависла: под ступнёй как удав клубком, противотанковый фугас. Миг: выпад — бросок — взрыв! Как в футболе, ручной гол не засчитывается... Лошадь остановилась. — И как сюда не ступила? Лунка от копыта — рядышком...

Волна ещё долго не могла отдышаться, ровняла песок: залиывала чей-то невидимый след.

Опытные минёры уверяли: такой снаряд взрывается в миг прикосновения. Вот тебе и наука! Первый спотыкач!

Но кто ж оглядывается на чёрные знамения, когда все восходы превращаются в красные знамёна! Не держит чужаков земля, не спасают реки, не укрывают леса: выдают праведной погоне. Веселит сорок четвёртый год конную разведку. Разведчику Федотову и его верной землячке Пчёлке снятся одинаковые сны: въезжают в Уральск! Пчёлка — под попоной! Он — в шинели английского сукна! И девушки почему-то с прекрасными глазами сивок-пчёлков.

Гнедушку Пчёлку отдал подчинённому командир взвода, когда тосковал тот по строитивой Стрелке. Утешил: «Пчёлка лошадь кадровая, обученная».

По слухам, из Уральского срок шестого полка. Полк вроде как расформирован по причине утраты полкового знамени. Так ли, нет ли, Пчёлка не говорила. Нового хозяина признала сразу как земляка: не выветрившийся, неистребимый дух приуральных степей сроднил.

...В то утро возвратились с задания. — Ёлки, тринадцатое января — день рожденья! — Разведчик вспомнил мамины пироги. Спешился к подруге с сахарком: от всего сердца! Разве ж знал: сердце — на мушке снайперской винтовки... И не то рука у снайпера дрогнула, не то опять кто невидимый вмешался: пуля в плечо поздравила именинника, со всей дурной силушкой: навывлет...

Споткнулся белый свет о торчащие трубы сгоревшей станции Лычково. От тыловых госпиталей Федотов отказался: остался при полевом. Не желал терять ни эскадрона, ни дорогой его сердцу Пчёлки. Та при медслужбе госпиталя ждала. Дождалась к весне. Скрипело потёртое седло! И ветер холодил рану, и разведвзвод радовался возвращению товарища! Покачивались звёзды на пилотках: с отвагой мушкетёров добывали конники не бриллиантовые подвески королевы: крупица по крупице — сведения!

— Полоцк, Великие Луки, Литва: до Каунаса — рукой подать. Только с какого боку? Конная разведка вышла на поиск.

Опасны, всегда опасны тайные тропы. И та опасна, и эта: летняя короткая ночь на исходе. Но вот, кажется, то, что надо! Проскакали лесок — тихо. Впереди — никого: можно расписать координаты. «Тихий» лесок опередил: расписался по спине кавалерии пулемётным огнем. — Засада! Власовцы! — крикнул кто-то. Про власовцев Федотову полууслышалось: спотыкач. Осколки снаряда выбили из седла. Пчёлку достал пулемёт. Опоздало небесное крыло.

Про гол и волшебный футбол

Мальчишек с Чижинской улицы знала вся ребячья округа. — У-у! Хуже милиционеров! — обижались «соловьи-разбойники»: похулиганить в парковой зоне не удавалось. Границы футбольного поля и вовсе были священные. До полуночи парк жил: бегал, прыгал, нырял, летал, орал. Город не знал словосочетания «детская преступность». Команда «чижииков», самоназначившаяся в воеводы окраины, на школьных спартакиадах подтверждала свой статус. Первые, первые, первые!

Первыми полегли на фронтах. Одна послевоенная весна прошла, вторая. Уже не придут. Борис Федотов жив: так распорядилась судьба. Три осколка вынули в Витебске, два под Рязанью. Грозилась ампутировать руку. Шепнула медсестричка:

«не соглашайся!». Воля раненого ожесточилась: «Убегу!» Врач дал подписку на операцию с сохранением руки. Вот, слабая, да не чурается работы! Нога хромячая ищет мяча: — Эх, по воротам бы! Пуст пустырь: ни ворот, ни штанги. Малята играют «в войну». Но он, Федотов, научит эту зелёную поросль забивать голы!

На заводе стеновых материалов бывший разведчик переквалифицировался в учётчики. И вот славно: главный инженер Киреев оказался фанатом: играл за Саратов. За Уральск — не откажется! С ним и впрямь пошло футбольное дело: из локутов ременной кожи сапожник сшил кожух, осталось набить паклей, зашнуровали: — А ну, малёк, вмажь!

Прирос футбол к ногам мальчуганов: взгудел пустырь! Какая же это упоительная зараза — футбол! Заводская молодёжь потянулась отыгрывать трудоустроенное детство. Хлопоты шёфов обернулись амуницией: как в таких трусах-майках, таких бутсах да не выиграть городское первенство? Команда «Стрела» заткнула за пояс местные команды, вырвала областную победу! В Кустанае на республиканском первенстве стала второй! Это потом реванш возьмут «Судостроитель», «Динамо», «Спартак». Но сначала блеснула «Стрела»! «Локомотив» «упаковывала» не раз! Обидчивым оказался: однажды прикатил на такси

со своим судьёй. «Свой» подвёл под победу «три-ноль». Бушевали трибуны: без вины виноватые «стрельцы», прибитые к скамейке штрафников, чуть не рвали на себе новые майки. Матч мог закончиться трагично: болельщики не в шутку намеревались превратить судью в модный кусок мыла. Того на космической скорости подхватило и унесло такси!

Но была, была восстановлена справедливость: «Пять-два» — счёт переигрываемой встречи! Так-то: не стой под «Стрелой»!

Федотов помнит все страсти футбольных баталий. Как не помнить: азарт игры творил чудеса — возвращал мышцам былую мощь! Забывали про боль: правой, правой, правой! — не щадил правый полузащитник болящую ногу. Футбол конца сороковых был жёстким, злым, стремительным, беспощадным, как война, как эти взрослые парни, видевшие смерть!

Уходили с поля. Уходила стихия схватки. Игра тренерской выучки несла другой мяч. Это другая история. А история судьбы бывшего разведчика нет-нет — высветит родную Чижинскую: друзей, незабвенных боевых подруг: Сивку, Стрелку, Пчёлку. И час, когда открыл эфир для чёрной весты «Война!», и день, когда случайно, опять же первым, извлёк по служебному приёмнику весть белую: «Победа!»

ПОДПОРУЧИК ИЗ ШОРТЫНБАЯ

Гумар Сарсенгалиев пережил великий мор, юношей — Великую Отечественную, студенческие пирожки-сухарики, съёмные углы, скромные зарплаты. Неуёмный темперамент вовлёк в спортивные баталии, невероятная усидчивость подвигла к написанию научных работ. Сорок пять лет преподавательской работы в авторитетном вузе сделали его известным, узнаваемым. Отличник просвещения Казахстана, высшей школы СССР, полковник в отставке. Звания-ордена-медали — всё при нём!

Жизнь идёт себе по девятому десятку и знает: «времени нет — есть бесконечно малое настоящее».

«Дайте до детства счастливый билет»

Ныне посёлок Шортынбай близ Тенгиза жалуется не столько на бедность, сколько на здоровье: подземные клады за «здорово живёшь» не отдаются. В Гумаровом детстве золотом блесла чешуя. Рыба не переводилась. Работа отца на рыбозаводе не кончалась. Воздух первозданной чистоты крепил лёгкие впрок. Не было обуви — так зачем детству обувь? Летаёт!

Отлеталось. В тридцатые власть над степью взяла засуха: доэкспроприировала всё.

Социальное равенство навёл голод. Тиф подчистил кадры чище НКВД. Пришедшей коллективизации делать было абсолютно нечего. Кроме как украсить поселковый совет лозунгом. Что за дело ребятишкам до красных тряпок? Нет за ними ничего съестного... Забыты игры. Камни кажутся хлебом. Поднимут — нет, не хлеб. Раскалённый песок и тот — ко рту, как крошки... Нет, не крошки...

Чета Сарсенгалиевых — друг за другом — стала холмиками. Три малых воробушка — на милость Аллаха. Только что делать Богу с сиротами? Их уже и не счесть. Нет у него столько еды и столько питья.

В чёрные дни люди добрее богов: младших — сестру и брата — увезли в другие селенья. Десятилетнего Гумара взял сосед Мажит. Голодная смерть чавкнула, отступила от приёмыша. Тоска по родным не уходила никуда: вместе с ним собирала на пастбище кизяк, стояла в хлебных очередях, радовалась самому маленькому довеску: его можно было съесть. Тоска сопровождала всюду, и Гумар научился с ней жить.

«Я убит подо Ржевом»

Думал ли кто, что Бердичевское пехотное училище помечтает Житомир на Оренбург? Мечтал ли школьник в своих прикаспийских краях об Оренбурге? Одно слово: «война» — и доброволец Сарсенгалиев

учится мотать портянки. Из оборонительных боёв страна не может выбраться, армия тает. Новое воинство на учебных полигонах передёрнуло затвор. Оренбургские курсанты — один к одному, рост в рост, шаг в шаг! Парадному шагу обучали особо: осенний выпуск должен был пройти по Красной площади на Октябрьском параде. И прошёл бы! Но линия обороны затрепала по всем швам: срок обучения пехотинцев съёжился с шести месяцев до трёх. Вместо товарища Сталина курсантов поприветствовали окопы Калининского фронта.

Коммерческий курс времени на войне непредсказуем: неделя может стоять года, день — месяца, миг — жизни. Через сто двадцать суток боёв сколько их осталось, ребят экстренного выпуска оренбургской «пехотки»? Лучше не считать Гумару, просто выполнять чёрную работу войны, и она однажды закончится.

Снаряд из десятиствольного миномёта закончил ратный труд не одного бойца. Здесь, подо Ржевом. С железной «реликвией» в ноге уже не бегут, «ура!» не кричат. Пехотинца Сарсенгалиева на шоковом «ура!» пронесло ещё метров пять. Вот они, законы инерции и запала! Свалишься, боли не чувствуешь... В крошечном аду, где соловьём-разбойником свистит воздух, где нечистая сила шевелит мёртвых, раненого подхватил Гольфстрим самоспасенья. То глубинное,

человечье, когда жизненные токи уходят, безумно хочет жить: вылететь, выползти из пространства, где рождаются смерти. «Обузу-ногу вызволял через трупы, как через баррикады. Над тяжёлой головой чёрный гуд завыворачивал кренделя: со свастикой во всё брюхо. Не этот ли «мессер» вчера атаковал солдатику-подранка? Железный охотник на человека преследует теперь и его? Но Гумар — не тот сосунок: бестолково метаться не будет. Надо только одолеть ров, переправить через него ногу, ногу... Заклинило белый свет на ноге.

— Э, куда, милоч? Приплыли! — сразу несколько рук потащили бойца вниз, в преисподнюю. Мелькнула пилотка с красным крестом и тут же померкла.

Подпоручик Войска Польского

«Ходулю» пехотинца спасали стольная Москва и тихий городок Котельнич. Да только какой он теперь пехотинец? С клюшкой, но чем не телеграфист? Командование больше знает о боевых ресурсах, чем ресурсы о себе. В городе Горьком, где исключительно ясные зорьки, в школе телеграфистов научили бойца Сарсенгалиева новой грамоте: от простейшей азбуки Морзе до приёма-передач кодовых комбинаций. С такой специальностью можно очутиться в любой точке мира. В том числе — в составе

Польской освободительной армии. На запад, на восток, на юг и север по открытым линиям, тайным каналам уходили из-под пальцев «пианистов» цифровые шифровки. О чём они? Операторам знать не положено. Хотя чего там: война на исходе, грядёт новый передел мира. Шуршит эфир...

Уж не помнит Гумар: не то в Лондон, не то в Рим не мог коллегам достучаться до корпункта: «А-Дэ-три-О; А-Дэ-три-О!» — позывные оставались без ответа.

— А-Дэ-три-О, вы меня слышите?

На втором часу напрасного адетриоканья у оператора Саши лопнуло терпение, как струна на гитаре. И уж каким семиоктавным фольклором обложил гробовой эфир — а только откликнулись и Лондон, и Париж, и бдительная спецслужба! Место оператора пустовало три дня. Да где ещё такого спеца найдёшь? К тому ж, видать, ни одна разведка в странном послании тайного смысла не обнаружила. Сашу вернули. Всей группе связистов было поручено подготовить достойную себе замену: дембель!

Счастлирое мгновение оставил фотограф: Гумар, Саша — со своими вчерашними учениками, уже коллегами. Теперь на этой станции будут работать они — поляки, французы. За фотокадром — весенняя Варшава сорок седьмого и поезд, который вот-вот унесёт домой подпоручика Войска Польского.

«...Пришёл, чтоб дать волю»

Послевоенный Уральск — не одет, не накормлен — отводил душу на стадионе «Спартак». Тусовались юнцы, у которых молоко на губах не обсохло, ребята постарше, выстоявшие лихое время у рабочих станков, и те, кто прошёл огни-воды-медные трубы войны. Ампутированное детство, вот что их всех роднило. Футбольное поле и так, и за пятак осыпало как манной небесной, свистящей, кричащей, топочущей радостью. «Кота на мыло!» — весело отсылали своего фаворита Костю Котова болельщики. Это он за тащил отставного подпоручика, студента Гумара Сарсенгалиева «для укрепления сил и популярности футбольных команд».

— Ну и беда, что с прихромом? На воротах постоишь!

Студенту и без того застаиваться некогда. В зимние каникулы спартакиада учащих вузы многих городов огромной державы. Но «приклеился» к стадиону с первой встречи до ветеранских игр. Едва сбросив шинельную скатку, выступил за честь Джангалы. В сорок восьмом — игры на Кубок Казахской ССР. Спортивные десятилетия оставляли в память о себе грамоты, значки, выпелы, кубки. Но матч пятьдесят первого года...

Два тайма краевой значимости Гумар, как Илья Муромец, сидел на запасной. Переживал

за своих: не хватало решающего гола. Ворота соперников уже начинали нагло посмеиваться. Кто ж такое выдержит? В груди росло нечто... И когда третий тайм пришёл, чтобы дать запасному игроку волю, — о-о! — трибуны гуднули: «Г-о-ол!!!» Мяч, будто только и ждал озлившегося ботинка вратаря. Это был не гол — песня с припевом! Припев состоял из одних прилагательных: пятиметровый, красивый, великолепный, неожиданный! Для автора гола незабываемый.

«Мы тебе колхозом дом построим»

Каждая птица претендует на отдельную жилплощадь — вьёт гнездо, каждая зверушка роет индивидуальную норку. Люди радуются и коммунальному скворечнику. Сколько же семья Гумара сменила углов, из коих выселял то дождь, то холод, то недобрый хозяин. «Мы тебе колхозом дом построим!» — обещало бездомному фронтовику певчее радио. Скоро песня складывается, не скоро дома строятся. И так уж хотелось преподавателю кафедры экономической географии помочь области, а заодно и себе в «темпах роста благосостояния», что написал диссертацию на местном материале. Научная мысль объективнее прочих, но и судьба у неё отдельная.

Дату рождения квартиры можно считать для Сарсенгалиевых

судьбоносной. За такую радость высококвалифицированные педагоги, врачи, доктора наук на двести часов уходили в подмастерья к штукатурам-малярам. От такой практики экономика теряла ли, приобретала, знали только экономисты. Но всё равно — да здравствует пятьдесят девятый! Да здравствует дом на проспекте! За сорок пять лет здравствования город уже и подзабыл, что он звался домом врачей, учителей. Теперь — просто дом. Квартира под номером одиннадцать тепла, уютна. Живут в ней Гумар Жумабекович да Софья Карасаевна. Звёздную дочку Майру съезд архитекторов мира назвал «Архитектором международного класса». Старший сын и дочь — в маму — стали врачами. Богатство Сарсенгалиевых полнится

весточками от бывших учеников, друзей. По праздникам приходят поздравления, подписанные далеко не безызвестными людьми. С Днём Победы поздравлял и глава государства. Приятно... Наверное, ангел простёр крыло над их крышей?

— Нет, — говорит хозяин, — не ангел, это моя Софья Карасаевна! Я бы без неё был не я...

Зимний возраст утомляется скоро. Да и не может человек высказать всего. Но сколько бы ни жил, «не насытится око зрением, не наполнится ухо слушаньем». Жизнь — плохая, хорошая, справедливая, не очень, вся в окне. И вся — Отечество. За неё ходят на войну солдаты, и, бывает, осколки, калечившие их, после хранят музеи...